

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАРРАЦИИ С WERT-ТЕРМИНОЛОГИЕЙ К. МАРКСА: СТОИМОСТЬ VS ЦЕННОСТЬ

Г.Л. Тульчинский

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград; Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: gtul@mail.ru

Тульчинский Г.Л. Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность. – Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 174–185. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №18-18-00442 “Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках” в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2018. Принята к печати: 02.03.2019

Аннотация. В работе рассматриваются смысловые модели, определяющие практики русского перевода ключевой терминологии К. Маркса, а также последствия выбора упрощающей интерпретационной стратегии такого перевода и обуславливающую ее политическую прагматику: это запрос на научную концепцию, отвергающую перспективу капиталистического развития, а также цели пропаганды и политического просвещения. В “каноническом” переводе, закреплённом изданием Института марксизма-ленинизма (1937 г.), термины *der Wert* (ценность, значение, стоимость, достоинство), *das Wertding* (ценная вещь), *die Wertgegenständlichkeit* (ценностная предметность) переводились как “стоимость”. А две принципиально различные стороны товара *der Gebrauchswert* (ценность как полезность – качественная характеристика, не выразимая количественно) и *der Tauschwert* (меновая ценность, способность пропорционально обмениваться) переводились, соответственно, как “потребительная” и “меновая” стоимости. Такая трактовка легла в основу дискурсивных практик в образовании, общественных науках, публицистике. Другие версии, использующие термин “ценность”, были фактически изъяты из научного обихода. Однако и до революции, и в советское, и в наше время неоднократно обращалось внимание на то, что “стоимостная парадигма” существенно редуцирует анализ рыночных отношений и контекстов. Это подтверждает и обращение к оригинальным текстам первого и второго изданий “Капитала”. История дискуссии относительно адекватности перевода терминологии, использованной К. Марксом в “Капитале”, не только поучительна, но имеет важные перспективы. В наши дни вопрос перерос рамки спора о словах. Проблемы нелибералистского маржинализма, выход на первый план социально-культурных (неоинституционализм, “*culture matters*”), психолого-коммуникативных (Р. Талер) факторов экономических отношений выявляют несостоятельность редукции ценности к стоимости. При этом ценностная природа рыночных отношений важна как в концепциях типа “глобальных ценностных цепочек” (М. Портер, Г. Джереффи), так и в практиках преобразующего инвестирования (*Impact Investing*), в том числе – на платформе блокчейна. Это вынуждает вернуться к концептуальному содержанию исходных терминов и переосмыслению практики соответствующей наррации.

Ключевые слова: блокчейн, дискурсивные практики, интерпретационные стратегии, марксизм, наррация, потребительная ценность, преобразующее инвестирование, стоимость, ценностные цепочки, ценность.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурсивные практики в политическом контексте, включая смыслообразующие нарративные практики, обычно рассматриваются применительно к анализу пропаганды, символической политики, информационных войн на медийном материале, документов, публичных выступлений. В данной работе предлагается рассмотрение достаточно нетривиального примера, когда рутинная, на первый взгляд, практика перевода, обусловленная политическим контекстом, породила смыслопорождающие нарративы, которые затем сами становились материалом и фактором идеологических, политических, управленческих перформативов, которые определяли (и до сих пор определяют) выработку решений различного масштаба и уровня, ход и оценку их реализации. Речь идет о русских переводах текстов работ К. Маркса, с использованием терминов, производных от немецкого слова *der Wert* (ценность, значение, стоимость).

Вполне естественная и неизбежная неопределенность перевода преодолелась за счет упрощающей интерпретационной стратегии, обусловленной целями пропаганды и политического просвещения. Упрощенная интерпретация ключевых концептов марксизма обусловила содержание дискурсивных практик в образовании и науке (прежде всего — политэкономии, экономике, других общественных науках), философии, публицистике всего советского периода и сказывается до сих пор.

Цель работы — показать на данном примере роль политического контекста выбора интерпретационной стратегии, следствия этого выбора для смыслопорождающих нарративов, а также — вызовы реалий информационного общества и цифровой экономики, с которыми сталкивается эта упрощенная смысловая картина в настоящее время, что вынуждает вернуться к концептуальному содержанию исходной терминологии.

Работы К. Маркса, опубликованные как при жизни, так и после смерти, его комментарии на работы других авторов, оценки и мнения, выраженные в переписке, а главное — дискуссии относительно трактовок его идей оказывают серьезнейшее влияние на общественную мысль и политические практики вот уже почти полтора столетия. Осмысление теоретического и политического наследия К. Маркса породило широкий спектр различных доктрин как в политической и экономической теории, в философии, так и в политике. Анализ различных интерпретаций марксова учения, принимаемых на их основе политических решений, мобилизации сторонников, споров и конфликтов вокруг них имеет обширную и содержательную литературу — как в России, так и за рубежом. Существуют научные центры, специализирующиеся на осмыслении творческого наследия К. Маркса, его развития, применений [Нуреев 2007; Бугалин 2017] — вплоть до детальных схем, представляющих систематизации интерпретаций и развития марксизма [Альбертини, Силем 1996]. Подавляющее большинство этого круга публикаций посвящено осмыслению материалистического понимания истории, марксовской критике капиталистического способа производства, концепции классовой борьбы, теории прибавочной стоимости, возможностям их применения к современности, или их критике.

В данной работе предпринята попытка выявления политических факторов, определивших контекст принципиально различных толкований ключевой терминологии, использовавшейся К. Марксом в “Капитале” и ряде других

DIXI: работ — речь идет о терминах и концептах, образованных с применением немецкого слова *der Wert* (“*Wert*-терминологии”). Различия в этих толкованиях надолго предопределили противостояние “канонизированного” понимания марксова учения в стране “победившего социализма” и развития марксизма за рубежом, попыток его применения к современным экономическим и политическим условиям. В настоящее время эти условия создают контекст, продуцирующий новые импульсы к возвращению к концептуальному содержанию марксовой концепции. Причем речь идет не только и не столько о терминологической точности, преодолении неопределенности (*indeterminacy*), сколько о преодолении последствий упрощающей интерпретационной стратегии, породившей соответствующие практики наррации в науке, политике, образовании и, в конечном итоге, о возможностях ответа политической науки, социально-гуманитарного знания на вызовы современности, прежде всего — информатизации и цифровизации практически всех сфер общественной жизни.

ИСТОРИЯ ТОЛКОВАНИЙ: РОССИЙСКО-СОВЕТСКИЙ СЛЕД

Большая часть текстов работ К. Маркса была опубликована после его кончины, и публикации издавались в разных странах на разных языках. Второй и третий тома “Капитала” были опубликованы Ф. Энгельсом в 1885 и 1894 гг. соответственно, а четвертый том — К. Каутским уже в следующем столетии (1905-1910 гг.). В европейской академической общественной науке рецепция марксовых идей растянулась на многие десятилетия и была сопряжена с довольно интенсивной критикой и переосмыслением. Несколько иная судьба ждала политическую сферу, где политическая доктрина К. Маркса, пройдя также интенсивную “имплементацию”, породила ряд политических программ (социалистических, социал-демократических, коммунистических), мобилизовавших многочисленных сторонников, сказавшись, тем самым, на политической истории всего XX в.

При этом главную, если не ключевую, роль сыграла рецепция учения К. Маркса в России. За один только 1870 г. в России появилось более 150 рецензий и статей, посвященных первому тому “Капитала”. Сам К. Маркс отмечал, что в России его “больше читают и ценят, чем где бы то ни было” [Маркс, Энгельс 1964b: 380]. К причинам такого повышенного интереса в России к идеям К. Маркса мы еще вернемся, а пока стоит отметить, что и первый перевод “Капитала” с немецкого языка появился опять-таки в России. Причем с этого и последовавшего вскоре второго перевода и появилось разночтение, сказавшееся впоследствии на истории не только России, но и политической истории всего мира, включая упомянутую выше судьбу марксистской политической идеологии.

Первый перевод был осуществлен Г.А. Лопатиным и Н.Ф. Даниэльсоном при участии Н.Н. Любавина в 1872 г. [Маркс 1872] Этот перевод был высоко оценен самим К. Марксом [Маркс, Энгельс 1965: 395], что стало потом предметом особой гордости советских марксистов. Правда Г.А. Лопатин, лично общавшийся с К. Марксом, немецким не владел и общение велось на французском языке. Кроме того, что еще более существенно, лопатинский перевод был начат со второй главы, без учета принципиально важного фрагмента, в котором К. Марксом раскрывается двойственная природа товара — как *der Gebrauchswert* (ценность как полезность — качественная характеристика, не

выразимая количественно) и *der Tauschwert* (меновая ценность, способность пропорционально обмениваться). Эти две принципиально различные стороны товара фигурировали в данном переводе, соответственно, как “потребительная” и “меновая” стоимости.

В 1898-1899 гг. был опубликован другой перевод первого тома “Капитала”, осуществленный Е.А. Гурвич и Л.М. Заком под редакцией П.Б. Струве [Маркс 1899]¹, в котором уже использовался перевод “*der Wert*” как “ценность”.

Однако в 1907-1909 гг. был опубликован третий перевод, подготовленный И. Скворцовым-Степановым и В. Базаровым под редакцией А. Богданова [Маркс 1909],² одобренный В.И. Ульяновым (Лениным), принимавшим участие в редактировании второго тома [Ленин 1969: 86]. Этот перевод был более полным, но он способствовал закреплению “стоимостной парадигмы”. В нем опять использовался “стоимостной” перевод марксовой “*Wert-терминологии*”, который был закреплён впоследствии изданием Института марксизма-ленинизма [Маркс 1937]. Во всех этих переводах термины *der Wert*³ (ценность, значение, стоимость, достоинство), *das Wertding* (ценная вещь), *die Wertgegenständlichkeit* (ценностная предметность) переводились на русский как “стоимость”.

Причины “экономической редукции” марксовой терминологии были обусловлены, с одной стороны, кризисом российского революционно-демократического движения конца XIX – начала XX столетий, обостренным пореформенной модернизацией России [Тульчинский 2018]. Старые концепции и практики (доктрина малых дел, “хождение в народ”, “нравственный герой и толпа”) обесмыслились и зашли в тупик индивидуального террора. Что с другой стороны, сформировало острый запрос на концепцию, дающую объективное основание для поиска объяснений социальной реальности, научно обоснованных ответов на политические вопросы и решения реальных политических проблем развития российского общества.

И революционеры нового поколения нашли такие аргументы в “научном социализме”, марксизме – чрезвычайно рационалистическом учении, в котором говорилось о неизбежном крахе капитализма в силу частнособственнического характера экономических отношений, что на смену капитализму придет общественный уклад, ликвидирующий частную собственность, с коллективистской моралью. Марксизм давал экономически выраженные простые ответы на непростые вопросы, изложенные в лозунгах, очень понятных всем обездоленным. Редукция социально-культурных и политических отношений к экономическим закреплялась в популяризации для целей пропаганды и политпросвета в неподготовленной малообразованной среде. Эта тенденция была фактически канонизирована в отечественной науке и системе образования советского времени.

Так и реализовалась упрощающая стратегия интерпретации марксовых концептов, радикально обеднивших смысловое содержание нарративов в общественной науке, образовании, средствах массовой информации. К. Маркс, несомненно, был выдающимся политэкономом, но его экономическое учение имело глубокие социально-философское и антропологическое основания.

¹ Повторно издание вышло в 1918 г. На переводе *der Wert* как ценности лично настоял П.В. Струве [Гурвич 1926: 91].

² Кн. 2 и 3 были опубликованы раньше, в 1907 г.

³ В немецкой орфографии XIX в. – *der Werthe*.

“Ценностная” трактовка была фактически изъята из научного обихода советского марксизма-ленинизма. Это принципиально сказалось на развитии отечественной (и не только) экономической науки, как, впрочем, и всей социально-философской традиции. Этим, якобы, строго отличалось экономическое понимание содержания термина от морально-этического (ценностного) толкования. При этом в переводах работ других марксистов, например, К. Каутского, использовалась именно “ценностная парадигма” (теория ценности, а не теория стоимости), что, по-видимому, только усиливало идеологическое противопоставление советского марксизма “ревизионистам” и “социал-предателям” от социал-демократии.

И только в 2015 г. вышел новый русский перевод первого тома “Капитала” [Маркс 2015], выполненный В.Я. Чеховским в “ценностной парадигме”⁴, который вызвал бурную отповедь российских марксистов [Бузгалин, Васина 2017]. Почему вопрос о переводе и толковании вызывает такие острые реакции?

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ WERT-ТЕРМИНОЛОГИИ ПО К. МАРКСУ И ПО СУЩЕСТВУ

И до революции, и в советское, и в наше время неоднократно обращалось внимание на то, что “стоимостная парадигма” существенно редуцирует анализ рыночных отношений и контекстов. Это подтверждает и обращение к оригинальным текстам первого и второго изданий “Капитала”.

В русском языке ценность и стоимость — слова разнокоренные и отсылают к разным смысловым контекстам: быть ценным, полезным, что-то значить и — стоять, где ценность сведена к цене, выражаемой в деньгах. В немецком языке это выражается словами *der Wert* и *der Preis*. Поэтому “стоимостная парадигма” резко редуцирует богатство рыночных ценностных контекстов. Если “меновая стоимость” передает суть возможности количественной характеристики обмена товаров, то “потребительная стоимость” по-русски выглядит чем-то вроде “круглого квадрата” — не то прилагательное не к тому существительному.

В европейских языках, которыми пользовался К. Маркс, “ценность” — более широкая категория, содержание которой выражается не только в цене, а именно в широком контексте сути рыночных отношений — как важного проявления антропологической неполноты человека, принципиально нуждающегося в обмене (веществ, собственности, коммуникации). Нелишне вспомнить, что А. Смит по образованию был филолог и для него использование термина *value* (ценность, значение) было довольно естественным.

Что касается самого К. Маркса, то он неоднократно подчеркивал, что различие между терминами *der Wert* и *der Tauschwert* есть различие сущности и формы: “Независимо от их менового отношения, или формы, в которой товары появляются как меновые ценности [*der Tauschwerthe*], должны быть, следовательно, сначала рассмотрены ценности [*der Werthe*] как таковые” [Marx 1983: 19]. И хотя в подстрочном примечании 9 в первом немецком издании первого тома “Капитала” он писал, что “всегда при употреблении слова ‘ценность’, если это не оговаривается специально, речь идет о ‘меновой ценности’” [Marx 1983: 19], в последующих изданиях это примечание не воспроиз-

⁴ В.Я. Чеховским даны подробные разъяснения перевода терминологии. См. Чеховской В. 2015. “Капитал”: терминология Маркса на русском языке. URL: <http://polemist.de/wp-content/uploads/2015/02/MEGA-I-RUSS.-f%C3%BCr-Moskau.pdf> (accessed 09.03.2019).

водилось. Зато во втором немецком издании первого тома К. Маркс уточнил редакцию этого места: несколько изменил формулировку, которая сохранялась в последующих изданиях: “Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследований приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы” [Маркс, Энгельс 1960: 47]. К. Маркс привязывает толкование *der Wert* к контексту анализа — применительно к меновым отношениям оно исчерпывается *der Tauschwert*, т.е. меновой ценностью, стоимостью, проявляемой именно в рыночном обмене. Но остающееся за скобками значение *der Wert* — ценность — первично и не сводимо к стоимости как обменному эквиваленту. В приведенной развернутой цитате очевиден семантический и когнитивный абсурд отождествления сущности и формы ее выражения.

Еще больший когнитивный диссонанс вызывает традиционная стоимостная трактовка в русском переводе марксовы замечаний на второе издание учебника по политической экономии А. Вагнера — одной из последних экономических работ К. Маркса, где он обращает специальное внимание на приведенное выше пояснение, данное им во втором издании первого тома “Капитала”. “Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и ‘стоимость’. Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости и т.д. Стало быть, я не подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция “стоимости”, — а конкретная общественная форма продукта труда, ‘*товар*’, есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны — ‘стоимость’, — а не меновая стоимость, так как одна только *форма* проявления не составляет ее собственного *содержания*... для меня ‘стоимость’ товара не есть ни потребительная, ни ее меновая стоимость” [Маркс, Энгельс 1961: 384].

Аналогична ситуация с еще одним марксовым термином — *der Verwertungsprozess* — который никак не является приростом стоимости. К. Маркса интересовало товарное производство, а не просто прирост стоимости, который может быть достигнут, например, за счет простой наценки. Для К. Маркса был важен процесс производства востребованной потребительной ценности, способной к использованию и применению, принести пользу и только так — выступить в качестве товара, приносящего прибавочную ценность (*der Mehrwert*) [Маркс, Энгельс 1960: 197].

Недаром некоторые зарубежные авторы квалифицируют использование термина “стоимость” в переводах “Капитала” как “серьезную ошибку” и даже “невероятный переводческий ляпсус” [Zweinert 2002]. Ряд советских философов (Э. Ильенков, А. Гулыга, Я. Певзнер) обращали внимание на существенное обеднение марксовской мысли, ставшее результатом переводческой и смысловой редукции ценности к стоимости, на обрыв важных смысловых связей и коннотаций, несомненно имевшихся у К. Маркса⁵, но такая критика ока-

⁵ Ильенков Э.В. 1968. О переводе термина “Wert” (ценность, достоинство, стоимость, значение). URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/daik/wert.html> (accessed 09.03.2019).

DIXI: залась непонятой. Зато другие философы (И.С. Нарский, А.М. Коршунов, В.В. Мантатов) через “Капитал” переоткрывали “марксистскую” семиотику, теорию значения [Нарский 1969; Коршунов, Мантатов 1974].

Параллельно за прошлое столетие сложилась традиция, связанная с включением “Капитала” в контекст ранних философских работ К. Маркса, учетом его работы над редактированием переводов “Капитала”, подготовкой новой редакции, т.е. расширением марксизма к его истокам и осмыслению реалий постиндустриального массового общества. Эта тенденция проявлялась в зарубежном марксизме: А. Грамши, Д. Лукач, франкфуртская социологическая школа (Т. Адорно, Х. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм), Р. Инглхарт и др. Проявлялась она и в советской и постсоветской академической среде (М. Лифшиц, Э. Ильенков, А. Гулыга, Г. Батищев). Этот процесс продолжается, что проявилось и в появлении упомянутого нового перевода “Капитала”, и в дискуссии вокруг него.

ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Если В.И. Ленин, отдававший предпочтение слову “стоимость”, не придавал этому вопросу “особенно существенного значения”, говоря об этом в подстрочном замечании [Ленин 1967: 68], то в настоящее время вопрос вышел далеко за рамки спора марксистов о терминологии, спора о словах.

Стоимостная парадигма открыла возможность учета и анализа трудовой ренты, что, собственно и было показано К. Марксом. И на этой стадии стоимостная редукция могла казаться малозначимой — как марксистам, так и адептам либералистского маржинализма. Но современная рыночная экономика оказалась способной осваивать не только природную и трудовую ренту, но и ренту культурально-смысловую, капитализировать сначала нематериальные активы (гудвил, репутация, имидж, бренд) [Тулчинский 2013], а затем и сетевую ренту, социальный капитал [Boltanski, Chiapello 2006]. Бурное развитие прекарного труда ставит также вопрос капитализации и человеческого капитала [Standing 2011]. Серьезные трудности порождает редукция ценности к стоимости (фактически к *der Preis*).

В настоящее время траектории понимания и развития марксова наследия приобретают интересное и показательное проявление и применение — даже не столько теоретическое, сколько практическое, выходящее за рамки марксизма.

Показательны в этом плане выявившиеся проблемы неolibералистского маржинализма не только в применении к так называемым экономикам стран “демократического транзита”, но и стран либеральной демократии. Оказывается, что не только политическое регулирование, социальные и правовые институты [North, Wallis, Weingast 2012], но и культура имеет значение [Harrison, Huntington 2000; Fukuyama 1996]. А нобелевские премии получают специалисты не только по социально-культурным [Sen 2000], а уже и по психолого-коммуникативным [Талер 2018; Thaler, Sunstein 2008] факторам экономических отношений. Выход на первый план социально-культурных (неоинституционализм, “*culture matters*”), психолого-коммуникативных факторов экономических отношений выявляют несостоятельность редукции ценности к стоимости. При этом ценностная природа рыночных отношений важна как в концепциях типа “глобальных ценностных цепочек” (М. Портер, Г. Джереффи) [Gereffi 2014; Нефедов, Панибратов 2017], так и в практиках

преобразующего инвестирования (*Impact Investing*), в том числе — на платформе блокчейна, который заслуживает особого внимания в этой связи. Возникновение и применение этой цифровой технологии наделало немало шума. Пик пришелся на 2017 г. — слово “блокчейн” вошло в топ большинства национальных конкурсов “Слово года”, и даже стало победителем в некоторых из них. Первоначально блокчейн связывался исключительно с криптовалютой, прежде всего — биткойном. По прошествии времени, с прояснением возможностей технологии стали очевидными широчайшие возможности ее применения. Неслучайно уже третий год газеты пестрят заголовками типа “Блокчейн может заменить...”, где место многоточия могут занимать слова ЕГЭ, Росреестр, нотариат, правоприменение, экспертиза и т.д. — вплоть до апофеоза — “У правительства почти безграничные планы на эту технологию”.

Цифровизация, создающая социально-гуманитарные и даже антропологические проблемы, алармизм, переходящий в хорроризацию (тотальной безработицы, постчеловечности), оказывается способной выступить платформой решения этих проблем. Так, характер общемирового тренда (включая США, Китай, Индию, страны Балтии) приобретает переход от разрозненных коммерческих проектов, некоммерческой деятельности, социальной политики (и даже попыток объединить их в новомодное в России государственно-частное партнерство или формы межсекторального социального партнерства) — к интегральным формам “преобразующего инвестирования” (*Impact Investing*) по производству общего благосостояния. И платформой такой интеграции становится именно блокчейн — но не как платформа финансового пузыря криптовалюты, а как платформа общей ценности (*shared value*), а точнее — общей собственности, в которой уже нет “чистых бизнесменов”, “чистого государства”, “чистых благотворителей”, а граждане, фирмы, корпорации, ведомства распределены по всему спектру ролей проектных соинвесторов — в зависимости от сути проблемы и конкретной конфигурации транзакций [Allman 2017].

Кстати, в этой же парадигме выполнен и последний доклад Римского клуба с символическим названием “*Come on!*” [Weizsaecker, Wijkman 2018], призывающий к консолидации общества, бизнеса и политики по реализации общего блага на основе “связности”, обеспечиваемой цифровыми информационными технологиями.

Возможно, и существует опасность излишне широкого применения концепта ценности. Но это уже задача корректной операционализации применительно к конкретному предмету анализа. Однако, как писал В.И. Ленин, чтобы согнутую палку выпрямить, ее нужно сильно перегнуть в другую сторону. Различение траекторий “стоимостной” и “ценностной” трактовки марксовской “Wert-терминологии” представляется важным не только в историческом плане. За ним стоят концептуальные проблемы, принципиально важные для понимания современных процессов социально-политического развития.

Смыслорождающие нарративы в “стоимостной” парадигме, которые встраивались в политические контексты, а затем сами становились материалом и фактором идеологических, политических, управленческих перформативов, определяли (и до сих пор определяют) решения, ход и оценку их реализации, оказываются несостоятельными.

П. Кондрашов обратил внимание на то, что различение и уточнение ценностной и стоимостной парадигм открывает новые социологические и фи-

DIXI: философские перспективы учения К. Маркса [Кондрашов 2016]. Так, согласно марксовской картине коммунистического будущего, стоимость (меновая ценность) должна уступить место тому, мерой чего она является — общественному труду. Поскольку в будущем обществе будет устранена *der Tauschwert*, и люди будут производить не товары, не меновые ценности, а продукты потребления, потребительные ценности. При этом мерой качества бытия станет свободное время, заполненное *die Selbstbetätigung* — деятельностью, всесторонне развивающей личность и приносящей радость полноты бытия. Речь идет о деятельности, в которой будут иметь место полное проявление сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*), богатство ощущений (*Reichtum der Empfindung*) и бьющая ключом радость жизни (*sprudelt Lebenslust*) [Маркс, Энгельс 1961: 20; Маркс, Энгельс 1964а: 264]. Картина выглядит не столь утопической в контексте некоторых обстоятельств цифровизации и роботизации. Речь идет о радикальном изменении рынка труда, ликвидации огромного количества массовых профессий от водителей и бухгалтеров до юристов, перспективы гарантированного содержания больших групп населения.

Похоже, что обществоведам, экономистам (даже институциональным) пора внимательно перечитывать не только К. Маркса, но и обе книги А. Смита о природе богатства и о природе нравственности [Смит 1997; Смит 2007], которые он рассматривал как единый текст (кстати, в Китае, приступившем к реализации стратегии роста общего благосостояния, эти книги и издаются под одной обложкой).

В целом речь идет о перспективе серьезного переформатирования дискурсивных практик и смыслопорождающей наррации не только экономической теории, но и политической практики — как *policy*, так и *politics*, переосмысления и позиционирования междисциплинарного комплекса социально-гуманитарного знания. И — как следствие — обоснование методологии и институционализация политического инжиниринга и социально-культурной экспертизы.

182

DOI: [10.17976/jpps/2019.03.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11)

POLITICAL CONTEXT OF NARRATION WITH KARL MARX'S WERT-TERMINOLOGY: COST VS VALUE

G.L. Tulchinskii^{1,2,3}

¹*Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia*

²*National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg. Saint Petersburg, Russia*

³*Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia*

TULCHINSKII, Grigoriĭ Lvovich, Dr. Sci. (Philos.), Honored Scientist of Russia, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg; Saint Petersburg State University, email: gtul@mail.ru

Tulchinskii G.L. Political Context of Narration with Karl Marx's Wert-terminology: Cost vs Value. — Polis. Political Studies. 2019. No. 3. P. 174–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11>

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Scientific Foundation, project No.18-18-00442 “Mechanisms of sense formation and textualization in social narrative and performative”.

Received: 25.12.2018. Accepted: 02.03.2019

Abstract. The paper discusses the semantic models that determine the practice of the Russian translation of the key terminology of Karl Marx, as well as the ensuing consequences of choosing a simplifying

interpretational strategy for such a translation and determining its political pragmatics. This strategy is a request for a scientific concept that rejects the prospect of capitalist development, as well as the goals of propaganda and political education. The terms *der Wert* (value), *das Wertding* (valuable thing), *die Wertgegenständlichkeit* (value objectivity) were translated as “cost” in the canonical translation, enshrined in the publication of the Institute of Marxism-Leninism (1937). At the same time, two fundamentally different aspects of the product *der Gebrauchswert* (value as utility is a quality characteristic, not quantifiable) and *der Tauschwert* (exchange value, the ability to proportionally exchange) were translated, respectively, as use cost and exchange cost. This interpretation formed the basis of discursive practices in education, social sciences, journalism, and media. The “value” translation versions were actually removed from scientific use. However, the “cost paradigm” significantly reduces the analysis of market relations and contexts. This is confirmed by the appeal to the original texts of the first and second editions of “Capital”. Discussions regarding the transfer of K. Marx’s terminology in “Capital” are not only instructive, but have important perspectives. Nowadays, the question has grown beyond the scope of a word dispute. The failure of value-to-value reduction is manifested in the problems of neoliberalistic marginalism, the coming to the fore social and cultural (neoinstitutionalism, “culture matters”), psychological and communicative (R. Taler) factors of economic relations. At the same time, the value nature of market relations is important both in concepts like “global value chains” (M. Porter, G. Jerrefy) and in the practices of transformative investment (Impact Investing), including on the blockchain platform. This forces to return to the conceptual content of the original terms and rethinking practices appropriate narration.

Keywords: blockchain, cost, discursive practices, impact investing, interpretational strategies, Marxism, narration, use value, value chains.

References

- Allman K.A. 2017. *Impact Investment: A Practical Guide to Investment Process and Social Impact Analysis*. Wiley: Wiley Finance series. 304 p.
- Boltanski L., Chiapello E. 2006. *The New Spirit of Capitalism*. New York: Verso Books. 656 p.
- Fukuyama F. 1996. *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press. 480 p.
- Gereffi G. 2014. Global Value Chains in a post-Washington Consensus World. — *Review of International Political Economy*. Vol. 21. No. 1. P. 9-37. <https://doi.org/10.1080/09692290.2012.756414>
- Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. 2000. Ed. by L. Harrison, S. Huntington. New York: Basic Books. 384 p.
- Marx K. 1983. *Das Kapital*. Bd. 1. Hamburg 1867. Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA). Bd. II/5. Berlin: Dietz Verlag. 654 s.
- North D.S., Wallis J.J., Weingast B.R. 2012. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press. 346 p.
- Sen A. 2000. *Development as Freedom*. New York: Anchor. 384 p.
- Standing G. 2011. *The Precariat – The new Dangerous Class*. New York: Bloomsbury USA. 192 p.
- Thaler R.H., Sunstein C. 2008. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven, CT: Yale University Press. 293 p.
- Weizsäcker E.U. von, Wijkman A. 2018. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York: Springer. XIV+220 p.
- Zweinert J. 2002. *Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Russland 1805*. Marburg: Metropolis-Verlag. 260 s.
- Albertini J.-M., Silem A. 1996. Understand Economic Theories. (Russ. ed.: Albertini J.-M., Silem A. *Ponimat' ekonomicheskie teorii: Malen'kii spravochnik bol'shikh techenii*. Moscow: Aristey Publishers. 187 p.)
- Buzgalin A. 2017. *Marksizm posle “Kapitala”*: Rossijskij kontekst [Marxism after “Capital”: Russian Context]. Moscow: Kulturnaja revoljutsija Publisher. 48 p. (In Russ.)
- Buzgalin A., Vasina L. 2017. The Pretentious Game in Innovations. On the Failed Attempt of a New Translation of a Number of “Capital” Terms. — *Svobodnaya mysl*. No. 2. P. 206-217. (In Russ.)
- Gurvich E.A. 1926. From the Memories. (My Translation of “Capital”). — *Letopisi marksizma*. No. 1. P. 91-93. (In Russ.)
- Kondrashov P. 2016. Absurdity That Has Become a Habit. — *Svobodnaya mysl*. No. 5. P. 203-217. (In Russ.)
- Korshunov A.M., Mantatov V.V. 1974. *Teoriya otrazheniya i evristicheskaya rol' znakov* [Theory of Reflection (Correspondence) and the Heuristic Role of Signs]. Moscow: MGU Publisher. 212 p. (In Russ.)
- Lenin V.I. 1967. *Yeshche k voprosu o teorii realizatsii* [More to the Question of the Theory of Implementation]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 5th ed. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)

Lenin V.I. 1969. Ekonomicheskoye ucheniye Marksa. Literatura [The Economic Doctrine of Marx. Literature]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)

Marx K. 1872. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Proizvodstvo kapitala* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book 1. Production of Capital]. Transl. by G.A. Lopatin. St. Petersburg: N.P. Poljakov Publ. XIII+678 p. (In Russ.)

Marx K. 1899. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1.* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1]. St. Petersburg: O.N. Popova Publ. (Reprinted in 1918). 690 p. (In Russ.)

Marx K. 1909. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Protsess proizvodstva kapitala* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book 1. Capital Production Process]. Full. transl. from the 3rd publ., checked by F. Engels, transl. ed. by V. Bazarov and I. Stepanov; ed. by A. Bogdanov. Moscow: M.N. Majzel Publ. XLVIII+755 p. (In Russ.)

Marx K. 1937. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Protsess pvodstva kapitala* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book 1. Capital Production Process]. Transl. by I.I. Stepanov-Skvortsov, checked and correct. Moscow: Partizdat. VIII+864 p. (In Russ.)

Marx K. 2015. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Protsess poizvodstva kapitala* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book 1. Capital Production Process]. Ed. by V.Y. Chekhovskoj. Moscow: ROSSPEN Publ. 661 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. 1960. Glava pyataya. Protsess truda i protsess uvelicheniya stoimosti [Chapter Five. Labor Process and Value Addition Process]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 2nd ed. Vol. 23. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 907 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. 1961. K. Marx. Zamechaniya na knigu A. Vagnera „Uchebnik politicheskoy ekonomii“ (2 izdaniye) tom I (1989) [K. Marx. Comments on the book of A. Vagner “Textbook of Political Economy” (2nd edition), Volume I (1989)]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 670 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. 1964a. Glava dvadtsat' pervaya. Proletarskiye protivniki politiko-ekonomov, iskhodivshiy iz rikardovskoy teorii [Chapter twenty-one. Proletarian Opponents of Political Economists, Proceeding from the Ricardian Theory]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 2nd ed. Vol. 26. Part III. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 674 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. 1964b. Marx — Fridrikhu Adol'fu Zorge v Khoboken [Marx — to Friedrich Adolf Sorge in Hoboken]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 2nd ed. Vol. 34. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 645 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. 1965. Marx — Fridrikhu Adol'fu Zorge v Khoboken [Marx — to Friedrich Adolf Sorge in Hoboken]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 2nd ed. Vol. 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 789 p. (In Russ.)

Narskii I.S. (ed.). 1969. *Problema znaka i znacheniya* [The Problem of Sign and Meaning]. Moscow: MGU Publ. 415 p. (In Russ.)

Nefedov K.S., Panibratov A.Yu. 2017. Global Value Chain Analysis: Main Dimensions and Further Research Agenda. — *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. Vol. 16. No. 3. P. 364–397. (In Russ.)

Nureev R.M. 2007. The Historical Fate of the Teachings of Karl Marx. — *Questions of Economics*. No. 9. P. 87–103. (In Russ.)

Smith A. 1997. The Theory of Moral Sentiments. (Russ. ed.: Smith A. *Teoriya npravstvennykh chuvstv*. Moscow: Respublika Publ. 351 p.)

Smith A. 2007. The Wealth of Nations. (Russ. ed.: Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. Moscow: EKSMO. 1056 p.)

Thaler R. 2018. Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. (Russ. ed.: Thaler R. *Novaya povedencheskaya ekonomika: Pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoi ekonomiki*. Moscow: EKSMO. 384 p.)

Tul'chinskii G.L. 2013. *Total Branding: mifodizain postinformatsionnogo obshchestva. Brendy i ikh rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total Branding: Mythodesign of Postinformational society. Brands and Their Role in Modern Business and Culture]. St. Petersburg: SPbGU Publ. 280 p. (In Russ.)

Tul'chinskii G.L. 2018. *Politicheskaya kul'tura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy* [Russia's Political Culture: Sources, Lessons, and Perspectives]. St. Petersburg: Aleteja Publ. 294 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Альбертини Ж.-М., Силям А. 1996. *Понимать экономические теории: Маленький справочник больших течений*. М.: Аристей. 187 с.

Бузгалин А. 2017. *Марксизм после “Капитала”*: Российский контекст. М.: Культурная революция. 48 с.

Бузгалин А., Васина Л. 2017. Претенциозная игра в новации. О неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов “Капитала”. — *Свободная мысль*. № 2. С. 206-217.

Гурвич Е.А. 1926. Из воспоминаний. (Мой перевод “Капитала”). — *Летописи марксизма*. № 1. С. 91-93.

Кондрашов П. 2016. Нелепость, ставшая привычкой. — *Свободная мысль*. № 5. С. 203-217.

Коршунов А.М., Мантатов В.В. 1974. *Теория отражения и эвристическая роль знаков*. М.: Изд. МГУ. 212 с.

Ленин В.И. 1967. Еще к вопросу о теории реализации. — *Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 4*. М.: Политиздат. 565 с.

Ленин В.И. 1969. Экономическое учение Маркса. Литература. — *Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 26*. М.: Политиздат. 565 с.

Маркс К. 1872. *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Производство капитала*. Пер. с немецкого Г.А. Лопатина. СПб.: Изд. Н.П. Полякова. XIII+678 с.

Маркс К. 1899. *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1*. СПб.: Изд. О.Н. Поповой. 690 с.

Маркс К. 1909. *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала*. Полн. пер. с 3-го, проверенного Ф. Энгельсом, нем. изд., перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова, общ. ред. А. Богданова. М.: Изд. М.Н. Майзеля. XLVIII+755 с.

Маркс К. 1937. *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала*. Пер. с нем. И.И. Степанова-Скворцова. М.: Партиздат ЦК ВКП(б). VIII+864 с.

Маркс К. 2015. *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала*. Под ред. В.Я. Чеховского. М.: РОССПЭН. 661 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1960. Глава пятая. Процесс труда и процесс увеличения стоимости. — *Полное собрание сочинений. Издание 2. Т. 23*. М.: Издательство политической литературы. 907 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1961. К. Маркс. Замечания на книгу А. Вагнера “Учебник политической экономии” (2 издание). Т. I (1989). — *Полное собрание сочинений. Издание 2. Т. 19*. М.: Издательство политической литературы. 670 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1964а. Глава двадцать первая. Пролетарские противники политико-экономов, исходившие из рикардовской теории. — *Полное собрание сочинений. Издание 2. Т. 26. Ч. III*. М.: Издательство политической литературы. 674 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1964б. Маркс — Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен. — *Полное собрание сочинений. Издание 2. Т. 34*. М.: Издательство политической литературы. 645 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1965. Маркс — Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен. — *Полное собрание сочинений. Издание 2. Т. 33*. М.: Издательство политической литературы. 789 с.

Нарский И.С. (ред.). 1969. *Проблема знака и значения*. М.: Изд-во МГУ. 415 с.

Нефедов К.С., Панибратов А.Ю. 2017. Глобальные цепочки ценности: основные аспекты и актуальные направления исследований. — *Вестник СПбГУ. Серия “Менеджмент”*. № 3. С. 364-397.

Нуреев Р.М. 2007. Исторические судьбы учения Карла Маркса. — *Вопросы экономики*. № 9. С. 87-103.

Смит А. 1997. *Теория нравственных чувств*. М.: Республика. 351 с.

Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО. 1056 с.

Талер Р. 2018. *Новая поведенческая экономика: Почему люди нарушают правила традиционной экономики*. М.: ЭКСМО. 384 с.

Тульчинский Г.Л. 2013. *Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре*. СПб: СПбГУ. 280 с.

Тульчинский Г.Л. 2018. *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы*. СПб.: Алетей. 294 с.